

ЕВГЕНИЯ
ПЕРОВА

ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
В СЕРИИ «СЧАСТЬЕ МОЕ, ПОСТОЙ!»

Я ВСЕ РАВНО ТЕБЯ ДОЖДУСЬ!

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА

ДРУГ ДЕТСТВА

СОЗДАННЫЕ ДЛЯ ЛЮБВИ

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

«КРУГИ ПО ВОДЕ»:

КНИГА ПЕРВАЯ «К ДРУГОМУ БЕРЕГУ»

КНИГА ВТОРАЯ «ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ»

КНИГА ТРЕТЬЯ «ОМУТЫ И ОТМЕЛИ»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ «ТЕМНЫЕ ВОДЫ»

ЕВГЕНИЯ
ПЕРОВА

*Индийское
лето*

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Художественное оформление серии *С. Власова*

Фото автора на переплете *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована репродукция
картины художника *Висенте Ромеро Редондо*

Все имена и события в произведении вымышлены,
любые совпадения считать случайными

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Индейское лето : [сборник] / Евгения Перова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Счастье мое, стой! Проза Евгении Перовой).

ISBN 978-5-04-092267-3

Она протянула ему ладонь — Леонид взял ее как-то странно, двумя руками, и легонько потряс, потом поцеловал. Они посмотрели друг другу в глаза — обоим вдруг стало ясно, что все не так просто: не зря они разговоры разговаривают, не зря смущаются. Лёня и Лёля... Мягкое, ласковое «л», навязчиво повторяющееся в именах, сплетающее их между собой в замысловатый узор, казалось Лёле знаком судьбы...

В сборник Евгении Перовой вошло семь новелл, в которых, как и в новелле «Царь Леонид», герои пытаются найти формулу любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Перова Е., текст, 2018
© Redondo V. R., 2018
© Курбатов С., фотография
на переплете, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092267-3

ЦАРЬ ЛЕОНИД

Положи меня, как печать,
на сердце твое,
как перстень, на руку твою...

Песнь Песней царя Соломона

Мне всегда трудно дается первая фраза. Она появляется не сразу — прячется за частоколом образов, теряется в паутине слов, и часто только подойдя к концу повествования, я нахожу ту первую, единственную и неповторимую. А ведь это очень важно — первое слово! Первый вдох, первый шаг, первый взгляд...

Точно так же, только дописав текст до конца, я понимаю, о чем он.

Хотя, наверно, лукавлю: ведь все, что я пишу, об одном — о Любви.

Так как же мне начать эту историю?

Может быть, так: «Алла Львовна умерла в понедельник...»

Нет, мрачно.

А может быть, просто с начала: с первого взгляда и первого слова?

С полуслова...

* * *

...а потом появился Царь Леонид — так прозвала его острая на язык Маруся, соседка и подруга Аллы Львовны. Лёля и раньше его встречала: пару раз он приходил к Алле Львовне с женой — шумной и громогласной

Сонечкой, Софьей Сергеевной. Она преподавала литературу в школе, обо всем говорила резко и безапелляционно, а Леонид только морщился и лишь иногда тихонько ей бормотал:

— Ну что ты такое говоришь, Сонечка...

— Я знаю, что говорю!

Лёля видела — ему неудобно. Леонид ей нравился — высокий, крупный, слегка похожий на Шаляпина, он носил очки и курил трубку, что очень ему шло. Преподавал на филфаке МГУ, знал несколько языков, много читал, и Лёля как-то раз поспорила с ним о романе Лилиан Войнич «Овод», который он называл «садистской книгой», а Лёля возмущалась. Однажды Леонид пришел один, без Сонечки, и случайно оказался за столом рядом с Лёлей. Они вдруг заговорили о Вирджинии Вульф — Лёля никак не могла достать прошлогодний номер «Иностранки», где была опубликована ее «Миссис Дэллоуэй», а Леонид читал этот роман по-английски. Оба увлеклись и проговорили весь вечер. «Какой он милый! — думала Лёля, потихоньку разглядывая Леонида. — Царь, конечно, но Царь сказочный, игрушечный — плюшевый такой, уютный! И кажется, что не очень уверен в себе...» А Леонид вдруг замолчал, снял очки и, протирая привычным движением стекла, сказал:

— Зря вы мне это позволяете...

— Что позволяю?!

— Говорить. Я же заговорю вас насмерть!

Они ушли вместе и всю дорогу разговаривали, и никак не могли расстаться, все провожали друг друга: то

Царь Леонид

Леонид Лёлю до подъезда, то Лёля его до метро. Наконец, в очередной раз дойдя до крыльца, Лёля сказала:

— А пойдёте ко мне! Что мы все ходим туда-сюда? Я вас кофе угошу! Готовлю я плохо, но кофе делаю хороший!

Леонид снял очки — Лёля уже заметила: он так делал всегда, смущаясь — и тихо произнес:

— Боюсь, что уже поздно... Жена, наверно, волнуется.

Лёля страшно покраснела — она только сейчас сообразила, как двусмысленно прозвучало ее приглашение: какой ужас, теперь он бог весть что обо мне подумает...

— Да-да, конечно, я не сообразила... Ну, прощайте!

Она протянула ему ладонь — Леонид взял ее как-то странно, двумя руками и легонько потряс, потом поцеловал. Они посмотрели друг другу в глаза — обоим вдруг стало ясно, что все не так просто: не зря они разговоры разговаривают, не зря ходят туда-сюда и никак не могут расстаться, не зря смущаются. В эту ночь Лёля долго маялась без сна — все перебирала в памяти сказанные слова, взгляды, улыбки. И улыбалась сама: Лёня и Лёля — это же нарочно не придумаешь! Лёня и Лёля, Леонид и Елена, Леонид Павлович и Елена Михайловна, Леонид Павлович Полторацкий и Елена Михайловна Лебедева... Эта невольная аллитерация — мягкое, ласковое «л», навязчиво повторяющееся в именах, сплетающее их между собой лиловой синелькой, — казалась Лёле знаком судьбы. И встретились у Аллы Львовны!

Он позвонил через три дня, позвал на выставку, потом Лёля его пригласила в театр, так это и тянулось до

самой зимы — встречались, бродили по Москве, пили кофе в Филипповской булочной на улице Горького, кормили воробьев на бульварах. А на зимних каникулах все и случилось: они праздновали Рождество у Аллы Львовны, потом долго гуляли под медленно падающим снегом, а когда прощались у дверей, Леонид ее поцеловал, она ответила, привстав на цыпочки, и поцелуй получился таким серьезным, что после него надо было либо сразу расставаться, либо... Они попытались сделать вид, что ничего такого не произошло, и Леонид пошел было к метро, а Лёля вошла в подъезд, ощущая неимоверную печаль — физически ощущая, как тяжкий груз на плечах, но не успела закрыть дверь лифта, как Лёня вернулся. Они целовались в лифте, целовались перед дверью квартиры, которую она с трудом открыла, целовались в коридорчике... А потом ничего не вышло. Совсем.

— Да, не гожусь я, видно, в герои-любовники...

— Лёничка, ну что ты! Просто мы оба переволновались! И я плохо старалась, наверно. У меня очень давно ничего такого не было...

Он хмыкнул:

— Знаешь, у меня тоже. Наверно, мне лучше уйти...

— А ты не можешь остаться?

— Вообще-то могу.

— А как же?

— Она с классом в Ленинград уехала и детей взяла. Так что остаться могу, да что толку...

— Не уходи, пожалуйста! Давай просто полежим рядышком. Обними меня...

Он вздохнул — и остался на ночь. Горела елочная гирлянда, лениво мигали разноцветные лампочки, по-

Царь Леонид

блескивали стеклянные шары и серебряная мишура, а старый Дед Мороз улыбался им из-под еловой лапы — елка была живая.

— Мне нравится, как ты пахнешь! — сказала Лёля и потерлась носом о его плечо.

— Табаком...

— А мне нравится! Давно ты трубку куришь?

— Давно, лет... лет пятнадцать уже. У меня борода была под папу Хэма и вот — трубка.

— И свитер был? Грубой вязки? Вылитый Хемингуэй! А почему ты бороду сбрил?

— Старый стал. Борода седая.

— Ты не старый совсем, что ты!

Он опять вздохнул:

— Зря мы, Еленочка, все это затеяли, я думаю. Видишь, и не получилось ничего...

— Лёня, да я же не претендую ни на что! Из семьи тебя уводить я же не собираюсь... Просто... так одиноко...

— Да.

— А дети твои на кого похожи?

— Сын — на меня, дочка — на Сонечку. А у тебя... Ты была замужем?

— Я? — Лёля вдруг рассмеялась. — Была! Представляешь, я забыла! Полтора года продержалась, потом надоело. Да и не надо было выходить. А через год встретились с ним случайно на улице, поздоровались на ходу, и я долго вспоминала — кто это, где я его видела? Представляешь? А ведь полтора года прожили! Как не бывало...

— А детей не было?

— Не было. И не будет. Никчемное я существо.

— Ну что ты!

— Да что ж, это правда. Скоро сорок, детей нет, толку нет...

— Больше не стала замуж выходить?

— Нет. Ты знаешь, я как-то всегда про себя знала, что не гожусь для этого...

— Почему?!

— Не знаю. Я и за... Господи, как же его? Толя! За Толю вышла вслед за сестрой — они с Глебом, папиным аспирантом, поженились, вроде и мне надо! Она мне Толю и сосватала: такой, говорит, перспективный! Перспективный...

— А потом?

— А потом... Потом любовь у меня была. Была, да уехала. В Израиль. Он считал, что я его предала, а мне казалось — он меня...

— Грустно как...

— Да уж. Ты знаешь, мы с ним даже внешне похожи были — он роста небольшого, лохматый. Ты говоришь, у меня волосы, как дым, а у него пламя было, черное пламя, такие волосы. Глеб говорил: этот, твой — дыбом волоса! Не знаю, поженились бы мы с ним, нет. Но ехать я не могла, никак. Что мне там делать?! И тут — Леру бы подвела, зятя. Антошка, племянник, совсем еще маленький был, цеплялся за меня: «Нёня, Нёня!» Из Леры плохая мать получилась. Не знаю, может, и правда, я Сашку мало любила...

— А он?

— Он-то? Он взял и женился.

Царь Леонид

— Как женился?!

— Так. Вывез кого-то с собой.

— Что, фиктивный брак?

— Кто его знает. Я так оскорбилась...

Лёля даже не хотела его провожать, но в последний момент все-таки решила поехать в аэропорт. Ничего хорошего из этого не вышло: все были пьяны, Сашка валял дурака, эта женщина, его жена — откуда он ее взял?! — плакала. Прощаясь, тревожно заглянул ей в глаза, поцеловал, хотел что-то сказать... Махнул рукой и ушел. Навсегда. А Лёля, добравшись до Москвы, целый день каталась на троллейбусе по Садовому — шел дождь, стекла запотели, она рисовала пальцем на стекле сердце, пронзенное стрелой, а в голове крутились какие-то стихотворные строчки: «И разомкнется... Упрямых рук твоих кольцо... Усталых рук твоих кольцо... И разомкнется усталых рук твоих кольцо... В кольце Садовом отразится мое печальное лицо...»

Приехала домой, вошла, разделась — Антошка болел ангиной, и Лера просила побыть с ним: ей нужно на какую-то важную встречу, а Лёля забыла. Прошла в комнату — Лера говорила по телефону, стоя спиной к двери, и не заметила, а Лёля с недоумением услышала, как сестра медовым голосом поет в трубку:

— Ну прости, прости, Генчик, я скоро буду! Сестра опаздывает, поганка! Что я могу поделывать!

Генчик?! Лера повернулась, увидела сестру, вспыхнула, быстро завершила разговор, оделась и выскользнула за дверь. К любовнику! Это было так ясно, словно Лера сама об этом сказала, и Лёле стало жалко зятя. Они дав-

но уже жили как кошка с собакой, особенно отношения обострились после того, как Леру выбрали комсоргом и она ловко выжила из отдела Инессу Матвеевну, старейшую сотрудницу — а Глеб, ее ученик, узнал и устроил страшный скандал, после которого они не разговаривали почти полгода. И вот теперь! Лёля пошла к Антошке — несчастный, с замотанным горлом, с торчащими вихрами, он сидел в кровати и смотрел на нее красными глазами: опять плакал! Лёля обняла его, поцеловала:

— Ну, что такое? Горлышко болит? Солнышко мое...

Так они и жили. Потом, довольно скоро, Лера устроила ее в жилищный кооператив, даже оплатила первый взнос — только молчи, так поняла это Лёля. Она и молчала. Сначала скучала по Антошке, потом привыкла...

— Лёничка, а ты почему женился? На Соне?

— Ты знаешь, она такая хорошенькая была, звонкая, живая, я как-то и не заметил, что... Да нет, она не дура! Просто... такая... прямолинейная, что ли. Правильная слишком. И пионерского задору в ней много. А так она хорошая, детей любит, школу свою обожает. Во, завучем недавно назначили...

— А ты... ты изменял ей?

— Было пару раз. Она как дочку родила — совсем... совсем успокоилась. Все на детей ушло, на работу.

— А ты заброшенный...

— Да уж, сирота.

— Вот видишь. И что такого, если мы чуть-чуть согреем друг друга? Поддержим? Разве плохо?

— Поддерживать друг друга? — он грустно усмехнулся. — Немного солнца в холодной воде...

Царь Леонид

— Ты тоже любишь Франсуазу Саган?! Я так зачитывалась! И — надо же! — она в девятнадцать лет свою «Грусть» написала, в девятнадцать! А я... Ты знаешь, я еще в детстве говорила, что буду писательницей! Маленькая, только читать научилась, а туда же. Сидела в коридоре на сундуке — большой такой сундук, малиновым сукном накрытый, сукно колючее, а я сижу, ногами болтаю и мечтаю: стану писательницей!

— Косички у тебя были?

— Нет, лысая! Я болела много, вот и подстригли под нулевку. Это потом уже кудри такие выросли. Лера, сестра, завидовала ужасно — ей накручиваться приходилось, а мне не надо. А я ей завидовала...

— Да, волосы у тебя красивые!

— Мелким бесом, как няня говорила.

— В тебе что-то есть такое, знаешь... библейское! Маленькая Рахиль... или Суламифь...

— Да нет, вряд ли что-то библейское. Откуда ему взяться-то? Все предки деревенские — Рязань, Тверь. Если только татарское... Я на маму похожа, она такая же была. Лера на папу, а я на маму. Маленькими мы с сестрой были как близнецы, хотя и пять лет разницы, а потом поменялись.

— Так что ты про Франсуазу Саган-то?

— А! Я завидовала ей — просто ужасно! Я ведь всю жизнь что-то пишу, но... такое беспомощное, мне кажется. Может, ты бы почитал? Ой нет, не надо! Вдруг не понравится, а мне тогда лечь да помереть! Я ведь дневники веду бесконечные, письма писать обожаю... Для меня писать — как дышать! И что?! Ни-че-го! А она!

В девятнадцать лет — и такой роман! А у меня как будто кипит что-то внутри, а выхода нет, понимаешь? Один пар... Что? Что ты... на меня... так смотришь?

А Леонид любовался: полуголая, едва прикрытая простыней, она с воодушевлением рассуждала о литературе, размахивая руками — волосы развеваются, глаза горят, щеки пылают, грудь трепещет, — в радужном свете елочных огоньков она казалась каким-то сказочным существом... Черт возьми!

— Ты думаешь, что я... что ты... ах!

Он прервал ее поцелуем, и все, наконец, получилось. И очень даже впечатляюще. Потом это у них так и называлось — «поговорить о Франсуазе Саган».

Когда уходил утром — оглянулся: Лёля стояла у окна. Помахали друг другу, и Леонид пошел к метро. За ночь навалило снегу, дорожки не успели расчистить, он шел по целине, оступаясь, и казался Лёле сверху — с высоты пятого этажа — Амундсенем, пробивающимся к Южному полюсу. А у Леонида было чувство, что он уносит Лёлю с собой, как котенка за пазухой, но чем больше он удалялся от Лёлиного дома, тем быстрее таяло это ощущение, и он вдруг вспомнил нелюбимого Евтущенко: «с душой, как с девочкой больной в руках, пустевших постепенно»...

Сонечка была его второй женой. Первая... как же ее звали?! Не хуже Лёли, Леонид забыл имя: Майя? Нонна? Лариса? Рано поженились, еще студентами, сразу поняли, что погорячились, но если бы не Римма... Господи, конечно же Римма! И как он мог позабыть! Если бы не Римма, он никогда бы сам, первый, не рискнул

Удав Леонид

разорвать брак. Была в нем какая-то инерционность — попав в колею, он никогда не мог из нее выбраться. А может, это простая лень? Суетиться — митуситься, как говорила бабка, — он не умел.

Было потом два романа — даже не романа, а так, нечто невразумительное: короткая связь с лаборанткой на кафедре — к счастью, она быстро уволилась и пропала из его жизни, после чего Полторацкий вздохнул с облегчением; и более серьезные «отношения» с молодой преподавательницей с соседней кафедры, Ириной Евгеньевной. Она вообще была чрезвычайно серьезна: обожала выяснять эти самые «отношения», мучила его походами в консерваторию — Леонид честно пытался вникать, но быстро засыпал под всяких Малеров и Линдеманов. Слуха у него не было никакого. Потом появился доцент Сергеенко, «отношения» осложнились еще больше — теперь их приходилось выяснять еще и с доцентом! Леонид не знал, как дать понять Ирине Евгеньевне, что с радостью готов отпустить ее на все четыре стороны — хоть к Сергеенко, хоть к кому! Как-то это все развязалось: Ирина Евгеньевна совершенно неожиданно вышла замуж за поляка и уехала в Варшаву, а доцент приходил к Полторацкому плакаться в жилетку...

После этого Леонид долго был один, не очень этим и тяготясь, пока не появилась аспирантка Сонечка — он выздоравливал от воспаления легких, Софья пришла к нему домой на консультацию, огляделась по сторонам, потом, засучив рукава модной трикотажной кофточки — она называлась «лапша», и как он это помнит! — моментально сварила суп и вымыла полы. Кандидатскую